

УДК 316.723

DOI: 10.34670/AR.2026.68.45.001

Сходства и различия в причинах формирования коллективизма в русской и китайской культурах

Ван Цзехань

Аспирант,

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119415, Российская Федерация, Москва, ул. Кравченко, 7;
e-mail: wjie8160@gmail.com

Аннотация

Статья анализирует причины и механизмы воспроизводства коллективизма в России и Китае в культурной перспективе. Показано, что сходные установки «мы-ориентации» опираются на разные культурные коды и социальные ожидания. Для России коллективизм описывается через традиции взаимной поддержки, ценность «справедливости» и ожидание координации через формальные правила и организационные структуры; отдельно отмечается роль исторической памяти и регионального контекста. Для Китая коллективистские установки объясняются приоритетом гармонии, иерархической вежливости, сохранением «лица» и высокой значимостью отношений, где доверие и репутация выступают ключевыми ресурсами кооперации. На этой основе предлагается типология факторов по уровням: культурные ценности, институциональные практики, социализация и коммуникативные нормы. Прикладная часть посвящена российско-китайским контактам: сравниваются стили принятия решений, способы выражения несогласия и ожидания от лидерства, что помогает прогнозировать точки напряжения и повышать эффективность совместных проектов.

Для цитирования в научных исследованиях

Ван Цзехань. Сходства и различия в причинах формирования коллективизма в русской и китайской культурах // Культура и цивилизация. 2026. Том 16. № 2А. С. 7-13. DOI: 10.34670/AR.2026.68.45.001

Ключевые слова

Коллективизм, культурные ценности, Россия, Китай, культурные измерения, социальные нормы, доверие, межкультурная коммуникация, идентичность, социальная кооперация.

Введение

Коллективизм в России и Китае часто воспринимается как сходный набор норм, ожиданий и моделей поведения, где групповые цели и согласование действий ставятся выше индивидуального выбора. Однако сходство на уровне повседневных установок не означает единства происхождения. В обеих культурах коллективистские ориентации закрепились в разных исторических траекториях и через разные институты управления и социальной организации.

Для культурологии важно не только фиксировать наличие коллективизма, но и объяснять, почему он стал устойчивой ценностной рамкой. На уровне факторов здесь пересекаются как долговременные условия среды и хозяйства, так и более короткие по времени институциональные решения и практики кооперации.

Основная часть

1. Причины формирования коллективизма в российской культуре

Коллективизм в российской культуре формировался как практичный ответ на ситуацию, где индивидуальная самостоятельность часто не давала устойчивого результата, потому что риски были высокими, а ресурсов и предсказуемости не хватало. В этой логике общинные формы становились не просто традицией, а способом удерживать стабильность, снижать неопределённость и распределять нагрузку, поэтому интерес группы легко получал приоритет над интересом отдельного человека, а нормы поощряли осторожность, согласование и сохранение порядка. Такая основа особенно ясно видна на примере сельской общины, где важным было не только совместное проживание, но и механизм коллективного решения, кто и чем пользуется, кто за что отвечает и как сообщество реагирует на неудачи отдельных хозяйств [Vlachoutsicos, 1997]. В деревне XIX века эти установки закрепились через земельные практики, потому что земля, налоги и повинности связывали людей в систему общей ответственности, а перераспределение наделов служило инструментом поддержания внутреннего баланса по составу семьи и трудовым возможностям, при этом действовал принцип коллективной ответственности за недоимки и обязательства членов общины. В результате коллективность проявлялась не как абстрактная идея, а как повторяющийся опыт, когда выживание и хозяйственный успех зависели от общих правил, согласованных решений и готовности отвечать друг за друга в рамках одного сообщества [Nafziger, 2007].

Далее эта выработанная модель не исчезла, а была перенесена в советскую организацию труда и управления, где понятие коллектива стало ключевой рамкой для распределения задач, оценки поведения и включения человека в общие цели, даже когда формы участия задавались сверху [Vlachoutsicos, 1997]. В городской среде раннего советского времени коллективность усиливалась коммунальными практиками, когда жилищное устройство, совместное бытование и попытки выстроить новые нормы повседневности делали соседей постоянными участниками взаимных ожиданий, проверок и неформального контроля, а сами городские коммуны часто строились вокруг идей совместного проживания, коллективного питания и общего распорядка [Willimott, 2016]. Со временем, когда общество стало более сложным и неоднородным, коллективизм начал заметно различаться по регионам, и исследования связывают это с наследием хозяйственных укладов и исторических режимов землевладения, а также с тем, насколько велика роль сельского хозяйства и связанных с ним форм зависимости и кооперации

[Grigoriev et al, 2026]. При этом на поддержание коллективистских установок влияет и сочетание климата с экономическими ресурсами региона, потому что в более жёстких условиях потребность в совместной поддержке может расти, а уровень благополучия меняет то, насколько людям выгодно опираться на коллективные стратегии [Maklasova, Tatarko, 2019].

2. Причины формирования коллективизма в китайской культуре

Коллективизм в китайской культуре удобно объяснять через логику кооперации, которая закреплялась в хозяйственных практиках там, где без согласованных действий трудно удерживать стабильный результат. Чтобы не сводить причинность к одному фактору, в исследованиях внутри Китая предлагается разделять долгие географические условия и исторические траектории, а также учитывать разные временные масштабы влияния, так как одни причины действуют столетиями, а другие меняются быстрее и дают иной рисунок различий между регионами [Вэй, Ван, 2022]. На этом фоне коллективность становится не общей абстракцией, а конкретной границей общих прав и обязанностей на уровне местных поселенческих общностей, где устойчивые идентичности вроде естественной деревни задают рамку того, как распределяются земля и труд, и кто включен в взаимные обязательства. Такая ограниченная коллективность поддерживает нормы взаимности именно потому, что она привязана к понятным границам сообщества, где совместная работа и совместная ответственность воспринимаются как привычное условие повседневной устойчивости, а не как разовая мобилизация [Wu, 2014]. Дальше эту логику усиливают родственные и земляческие сети, которые в хозяйственной жизни работают как механизм доверия и кооперации на территории, и эмпирические результаты показывают, что там, где такие сети сильнее, легче складываются формы специализации, завязанные на отношенческие инвестиции и долговременные связи [Fan H. et al, 2023]. В современных интерпретациях коллективизм часто описывается как норма общественной солидарности и как принцип, который помогает согласовывать общий результат с личными интересами, сохраняя понятные правила участия и ответственности [Ши, 2021]. На уровне общественных представлений коллективизм также выступает частью национального дискурса, где акцент на целостности и общих целях связывает коллективные задачи с повседневным поведением человека и задает понятные ожидания к личной позиции [Чжан, Чэнь, 2021]. При этом подчеркивается и историческая линия, где коллективистская установка рассматривается как культурный ресурс интеграции, закрепленный длительным развитием общественных форм и норм, которые поддерживают приоритет общего дела в ключевых ситуациях [Ли, 2025]. Наконец, категория отношений между группой и личностью выступает нормативной рамкой, которая описывает границы допустимого поведения и задает ориентиры для разных социальных ролей, переводя коллективность в язык правил, добродетелей и общественной ответственности [Ли, Лю, 2024].

3. Сходства причин коллективизма в России и Китае

Сходство начинается с общей логики выживания и кооперации при высоких рисках среды, когда для снижения неопределенности выгоднее опираться на согласованные действия и взаимную поддержку, при этом в России связь коллективистских установок с условиями среды описывается через сочетание климата и экономических ресурсов региона, а в Китае близкая по смыслу необходимость кооперации объясняется аграрной организацией [Maklasova, Tatarko, 2019; Ло, Гэн, 2022]. Из этой практической необходимости вырастает второе сходство, институциональная роль общинных форм управления ресурсами, потому что в России сельская община закрепляла коллективность через механизмы перераспределения земли и общую ответственность, а в Китае местные поселенные общности, описываемые через естественные

деревни, задавали границы коллективных прав на землю и тем самым стабилизировали нормы взаимности на длительном отрезке времени [Nafziger, 2007; Wu, 2014]. Когда такие модели действуют долго, они превращают кооперацию в понятный стандарт поведения, и третье сходство проявляется в языке, который фиксирует и передает нормы взаимопомощи и оценки поступков через устойчивые словесные формулы, коллокации и поговорки, где совместный результат и согласие получают позитивную окраску, а разрыв с группой чаще маркируется как нежелательный [Юй, 2022; Ли, Лазарева О, 2025].

4. Различия причин коллективизма в России и Китае

Ключевое различие связано с тем, на что опирается коллективность в повседневной практике. В российском случае основой чаще выступают общинная модель и затем производственный коллектив, где принадлежность к группе понимается как включенность в организацию, право участвовать в обсуждении и ожидание взаимных гарантий внутри своего круга [Vlachoutsicos, 1997]. В китайском случае заметнее опора на локальную общность и сети доверия, где кооперация строится через устойчивые связи по территории и происхождению, а доверие выступает рабочим ресурсом хозяйственного взаимодействия [Fan H. et al, 2023]. Из этого вытекает различие в механизме воспроизводства нормы, в России коллективность легче закрепляется через формальные правила и институты труда, поэтому коллектив может восприниматься как единица, от имени которой говорят, договариваются и защищают интересы своих членов [Vlachoutsicos, 1997]. В Китае коллективность чаще удерживается через качество отношений и поддержание доверительных каналов, поэтому важны репутация, взаимные обязательства и способность сети обеспечивать координацию на уровне территории [Fan H. et al, 2023].

Второй блок различий связан с неоднородностью внутри страны. Для России сильнее выражена связка между историей землевладения и современными установками, когда долгие хозяйственные режимы и доля занятости в сельском труде помогают объяснять региональные различия индивидуализма и коллективизма. В Китае тоже есть внутренняя региональная мозаика, но в сравнительном фрагменте важнее то, что российские различия часто читаются через историю собственности и укладов, а не только через текущую экономику [Grigoriev et al, 2026].

Третье различие проявляется в социализации коллективности через образовательную среду. В описаниях межкультурных различий показано, что ожидания поведения в аудитории и отношение к иерархии задают разные формы группового взаимодействия, где китайская модель чаще ориентирует студента не выделяться и держаться согласованности, а российская чаще допускает большую открытость и личную инициативу [Яньли, 2023]. Эти различия затем переходят в совместную деятельность за пределами учебы, усиливая разные привычки кооперации и разные способы избегать конфликта или недопонимания при работе в смешанных командах. [Лецкая, 2024]

Наконец, различаются акценты в медийных текстах, где коллективизм может описываться либо как повседневная норма и ожидаемый стиль поведения, либо как ценность, вокруг которой конструируется образ общего «мы» и поддерживаются рамки приемлемого. В итоге причины коллективизма в России и Китае расходятся не по наличию самой коллективности, а по тому, какие опоры ее делают устойчивой, в России чаще институциональные коллективы и историческая хозяйственная база, в Китае чаще локальные сети доверия и нормы согласованности, закрепляемые через социальные практики [Vlachoutsicos, 1997; Fan H. et al, 2023].

В итоге материал взаимодействия подтверждает общий вывод, что в российско-китайских проектах коллективность одновременно держится на институциональной иерархии и групповом согласовании, но точка напряжения чаще возникает там, где стороны по-разному понимают темп согласования, допустимую гибкость и способ выразить согласие или несогласие в коллективном формате [Цзюнь, 2017; Лецкая, 2024].

Заключение

В итоге сопоставление российских и китайских материалов позволяет свести причины коллективизма к типологии по четырем уровням, где уровень среды задает исходную потребность в кооперации, уровень институтов превращает ее в устойчивые правила, уровень социализации воспроизводит ожидания поведения, а уровень языка закрепляет оценки и санкции в повседневных формулировках, при этом важная методическая оговорка состоит в том, что культуру полезно понимать одновременно как набор сравнительно стабильных измерений и как процесс изменений во времени, поэтому одна и та же коллективистская ориентация может сохраняться, но выражаться по-разному в разных эпохах и регионах. Из этой рамки следует, что для России и Китая сходна сама логика коллективизма как ответа на риски и неопределенность, но различаются конкретные экологические механизмы и пути институционализации, поэтому на уровне институтов в России чаще доминируют общинные и производственно организованные формы коллективности, а в Китае заметнее роль локальных общностей и сетей доверия, и именно эта разница дает разные сценарии кооперации в современных взаимодействиях, даже когда общий результат формально ставится выше частного. С точки зрения теории и истории культуры важно различать, что именно сохраняется как культурный механизм и что меняется как социальная практика, потому что устойчивее всего держится не конкретная форма общины или конкретный тип сети, а привычка видеть себя через отношения с другими, ожидание согласования, чувствительность к реакции группы и готовность соотносить личное действие с коллективной нормой. При этом конкретные практики коллективности могут заметно перестраиваться вслед за изменениями экономики, образования, городской среды и медиасферы, но они продолжают работать как привычные способы организации доверия, ответственности и контроля, а это означает, что коллективизм в обоих обществах следует рассматривать не как неизменную традицию, а как воспроизводимую связку между культурными представлениями о должном и реальными формами совместной жизни, которые периодически обновляются и в этом смысле показательно распределяются по регионам и поколениям.

Библиография

1. Вэй С., Ван Ф. Различия «Восток–Запад» и «Север–Юг» в индивидуализме // Психологическая наука. 2022. Т. 45. № 4. С. 1017–1023. DOI: 10.16719/j.cnki.1671-6981.20220432.
2. Лецкая А. С. Кросс-культурные барьеры во взаимодействии России и Китая // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2024. № 1. С. 25–40.
3. Ли Л., Лазарева О. В. Менталитет и национальный характер в русских и китайских поговорках // Litera. 2025. Т. 2. С. 305–316.
4. Ли Ф., Лю Ц. От границ прав к нравственному образу: доциньское конфуцианское представление «群己» как ресурс идеи «德治» // Хунаньские социальные науки. 2024. № 4. С. 158–165.
5. Ли Х. О теоретических истоках и путях развития коллективистского духа китайской нации // Journal of Shandong Youth University of Political Science. 2025. Т. 41. № 4. С. 31–37. DOI: 10.16320/j.cnki.sdqzxyxb.2025.04.003.

6. Ло Б., Гэн П. Коллективизм и его экономическое объяснение // Журнал Южнокитайского сельскохозяйственного университета (социально-научное издание). 2022. № 4 (т. 21). С. 1–12. DOI: 10.7671/j.issn.1672-0202.2022.04.001.
7. Цзюнь Д. Особенности российско-китайского делового сотрудничества: анализ корпоративной культуры. 2017.
8. Чжан Ч., Чэнь И. Исследование коллективистского ядра «китайского духа» // Studies in Ideological Education. 2021. № 3 (общ. № 321). С. 96–100.
9. Ши Х. Культурные гены коллективизма и развитие эпохи // Исследования идеологического образования (Studies in Ideological Education). 2021. № 3. С. 101–106.
10. Юй М. Особенности понятия «коллективизм» в сознании китайцев и русских (на материале ассоциативных экспериментов и корпусов китайского и русского языков) // Вопросы психолингвистики. 2022. № 1 (51). С. 137–148.
11. Яньли Х. Сравнение китайских и российских концепций образования с точки зрения теории межкультурных измерений Герта Хофстеде // Миссия конфессий. 2023. Т. 12. № 69. С. 45–52.
12. Fan H. et al. Clan culture and patterns of industrial specialization in China // Journal of Economic Behavior & Organization. 2023. Vol. 207. P. 457–478.
13. Grigoriev A. et al. Historical and Contemporary Predictors of Regional Cultural Differences in Individualism-Collectivism in Russia // Population and Economics. 2026. Vol. 10. No. 1. P. 74–92.
14. Maklasova E., Tatarko A. The interaction of climate and economy as a factor of collectivism in the regions of Russia // Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP. 2019. No. 109.
15. Nafziger S. Land redistributions and the Russian peasant commune in the 19th century // Williams Town: EHES Lund. 2007.
16. Vlachoutsicos C. Russian collectivism: An invisible fist in the transformation process of Russia. Hellenic Foundation for Defense and Foreign Policy (ELIAMEP), 1997.
17. Willimott A. Everyday revolution: the making of the Soviet Urban commune. 2016.
18. Wu Y. Bounded Collectivism: Approaching Rural Land Rights and Labor Through «Natural Villages» in Southwest China // Asia-Pacific Journal. 2014. Vol. 12. No. 31. P. e3.

Similarities and Differences in the Reasons for the Formation of Collectivism in Russian and Chinese Cultures

Wang Jiehan

Postgraduate Student,
Lomonosov Moscow State University,
119415, 7, Kravchenko str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: wjie8160@gmail.com

Abstract

The article analyzes the reasons and mechanisms for the reproduction of collectivism in Russia and China from a cultural perspective. It is shown that similar attitudes of "we-orientation" are based on different cultural codes and social expectations. For Russia, collectivism is described through traditions of mutual support, the value of "justice," and the expectation of coordination through formal rules and organizational structures; the role of historical memory and regional context is noted separately. For China, collectivist attitudes are explained by the priority of harmony, hierarchical politeness, the preservation of "face," and the high significance of relationships, where trust and reputation act as key resources for cooperation. On this basis, a typology of factors by levels is proposed: cultural values, institutional practices, socialization, and communicative norms. The applied part is devoted to Russian-Chinese contacts: decision-making styles, ways of expressing disagreement, and expectations from leadership are compared, which helps to predict points of tension and increase the effectiveness of joint projects.

Wang Jiehan

For citation

Wang Jiehan (2026) Skhodstva i razlichiya v prichinakh formirovaniya kolektivizma v russkoy i kitayskoy kul'turakh [Similarities and Differences in the Reasons for the Formation of Collectivism in Russian and Chinese Cultures]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 16 (2A), pp. 7-13. DOI: 10.34670/AR.2026.68.45.001

Keywords

Collectivism, cultural values, Russia, China, cultural dimensions, social norms, trust, intercultural communication, identity, social cooperation.

References

1. Fan, H., et al. (2023). Clan culture and patterns of industrial specialization in China. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 207, 457–478.
2. Grigoriev, A., et al. (2026) Historical and Contemporary Predictors of Regional Cultural Differences in Individualism-Collectivism in Russia. *Population and Economics*, 10(1), 74–92.
3. Letskaya, A. S. (2024). Kross-kul'turnyye bar'yery vo vzaimodeystvii Rossii i Kitaya [Cross-cultural barriers in Russian-Chinese interaction]. *Sovremennaya Aziya: politika, ekonomika, obshchestvo*, (1), 25–40.
4. Li, F., & Liu, C. (2024). Ot granits prav k pravstvennomu obraztsu: dotsin'skoye konfutsianskoye predstavleniye «qun ji» kak resurs idei «de zhi» [From legal boundaries to moral model: Pre-Qin Confucian concept of “self and others” as a resource for the idea of rule by virtue]. *Hunan Social Sciences*, (4), 158–165.
5. Li, H. (2025). O teoreticheskikh istokakh i putyakh razvitiya kolektivistskogo dukha kitayskoy natsii [Theoretical origins and development paths of the collectivist spirit of the Chinese nation]. *Journal of Shandong Youth University of Political Science*, 41(4), 31–37. DOI: 10.16320/j.cnki.sdqzzyxb.2025.04.003
6. Li, L., & Lazareva, O. V. (2025). Mentalitet i natsional'nyy kharakter v russkikh i kitayskikh paremiyakh [Mentality and national character in Russian and Chinese proverbs]. *Litera*, 2, 305–316.
7. Luo, B., & Geng, P. (2022). Kollektivizm i yego ekonomicheskoye ob'yasneniye [Collectivism and its economic explanation]. *Journal of South China Agricultural University (Social Science Edition)*, 21(4), 1–12. DOI: 10.7671/j.issn.1672-0202.2022.04.001
8. Maklasova, E., & Tatarko, A. (2019). The interaction of climate and economy as a factor of collectivism in the regions of Russia. Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP, 109.
9. Nafziger, S. (2007). Land redistributions and the Russian peasant commune in the 19th century. Williams Town: EHES Lund.
10. Shi, H. (2021). Kul'turnyye geny kolektivizma i razvitiye epokhi [Cultural genes of collectivism and epochal development]. *Studies in Ideological Education*, (3), 101–106.
11. Tszyun, D. (2017). Osobennosti rossiysko-kitayskogo delovogo sotrudnichestva: analiz korporativnoy kul'tury [Features of Russian-Chinese business cooperation: Analysis of corporate culture].
12. Vlachoutsicos, C. (1997). Russian collectivism: An invisible fist in the transformation process of Russia. Hellenic Foundation for Defense and Foreign Policy (ELIAMEP).
13. Wei, S., & Wang, F. (2022). Razlichiya «Vostok–Zapad» i «Sever–Yug» v individualizme [East-West and North-South differences in individualism]. *Psychological Science*, 45(4), 1017–1023. DOI: 10.16719/j.cnki.1671-6981.20220432
14. Willimott, A. (2016). Everyday revolution: The making of the Soviet urban commune.
15. Wu, Y. (2014). Bounded Collectivism: Approaching Rural Land Rights and Labor Through “Natural Villages” in Southwest China. *Asia-Pacific Journal*, 12(31), e3.
16. Yanli, H. (2023). Sravneniye kitayskikh i rossiyskikh kontseptsiy obrazovaniya s tochki zreniya teorii mezkul'turnykh izmereniy Gerta Khofstede [Comparison of Chinese and Russian educational concepts from the perspective of Geert Hofstede's cross-cultural dimensions theory]. *Mission of Confessions*, 12(69), 45–52.
17. Yu, M. (2022). Osobennosti ponyatiya “kollektivizm” v soznanii kitaytsev i russkikh (na materiale assotsiativnykh eksperimentov i korpusov kitayskogo i russkogo yazykov) [Features of the concept of “collectivism” in the consciousness of Chinese and Russians (based on associative experiments and corpora of the Chinese and Russian languages)]. *Voprosy psikholingvistiki*, (1), 137–148.
18. Zhang, C., & Chen, Y. (2021). Issledovaniye kolektivistskogo yadra “kitayskogo dukha” [A study of the collectivist core of the “Chinese spirit”]. *Studies in Ideological Education*, (3), 96–100.